

ГОЛОД ИЗВНЕ

Алексей Ник

Aleksey Nik

Голод извне

<https://litres.ru/74324198>

SelfPub; 2026

Аннотация

Полгода назад Максим и его союзники превратили проклятие метки в единство — и Совет Единства начал расти. Но портовый город Хавенрок исчезает вместе с двадцатью тысячами жителей, и становится ясно: Голод извне — не бедствие, а нечто разумное, что всё ближе подбирается к утраченной половине себя.

Единственная выжившая, Вейра, после контакта с тенью обретает пугающий дар — видеть, где откроется следующий разлом. Пока Совет расширяет сеть носителей меток, лорд-протектор Марч требует подчинить растущую силу короне, а вчерашние союзники раскалываются на тех, кто верит в понимание, и тех, кто предпочитает действовать на опережение.

Максиму предстоит не просто сражаться, но и решить, можно ли воссоединить разорванное двести лет назад сознание, не повторив ошибку, из-за которой Хранители Порога когда-то раскололи его надвое.

Продолжение мрачного фэнтези о цене единства — когда сила, объединяющая многих, пугает тех, кого должна защищать.

Содержание

Глава 1. Хавенрок	4
Глава 2. Пустота на месте города	9
Глава 3. Вейра	13
Глава 4. Совет лордов	18
Глава 5. Мост Королевы	24
Глава 6. Напряжение внутри Совета	29
Глава 7. Ложная тревога	34
Глава 8. Архивы дома Веральд	38
Глава 9. Прощание перед дорогой	43
Глава 10. Дорога знакома	48
Глава 11. Разговор с Ядром	52
Глава 12. Роль Вейры	57
Глава 13. Возвращение с тяжёлыми вестями	62
Глава 14. Публичные слушания	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Aleksey Nik

Голод извне

Глава 1. Хавенрок

Полгода после Вельгарда научили Максима одной вещи, которую он никак не мог узнать из книг, — тишина бывает разной. Была тишина отдыха, тишина, в которой можно было позволить себе выдохнуть. И была тишина ожидания, тяжёлая, будто перед грозой, которая всё никак не начнётся.

Сегодняшнее утро принадлежало ко второму типу.

— Гонец из порта, — сказал Дренн, входя без стука в кабинет, где Максим разбирал донесения о новых членах Совета. — Плохие новости.

Максим отложил перо.

— Насколько плохие?

— Хавенрок, — сказал Дренн. — Пропал этой ночью. Целиком.

Перо, которое Максим держал секунду назад, будто оставило после себя эхо в пальцах — он вспомнил похожее чувство полгода назад, когда услышал слово «Эльмхерст» впервые.

— Хавенрок — это не деревня, — сказал он тихо. — Это порт с двадцатью тысячами жителей.

— Именно поэтому я здесь, а не отправил обычного посыльного, — сказал Дренн.

Ирса появилась в дверях следом, уже одетая для дороги, с картой в руках.

— Собираемся, — сказала она без предисловий. — Касандр уже знает?

— Уже едет сюда, — ответил Дренн.

Максим поднялся, чувствуя, как знакомая тяжесть ответственности снова опускается на плечи — тяжесть, к которой он думал, что успел привыкнуть за прошедшие месяцы, но которая каждый раз оказывалась чуть больше, чем он помнил.

— Двадцать тысяч, — повторил он. — Эльмхерст был древней в несколько сотен человек. Если трещина способна поглотить город такого масштаба...

— Значит, всё, о чём предупреждал Сай, происходит быстрее, чем мы рассчитывали, — закончила за него Ирса.

Кассандр вошёл в кабинет спустя несколько минут, лицо его было мрачнее обычного.

— Отец уже собирает совет лордов, — сказал он без приветствий. — Новости о Хавенроке разлетятся по континенту за считанные дни, и, боюсь, реакция будет не той, на которую мы рассчитывали.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Максим.

— Я имею в виду, — сказал Кассандр, — что лорд-протектор Марч уже прислал письмо этим утром, ещё до подтверждения новостей о Хавенроке. Он требует срочного собрания совета лордов по вопросу о статусе Совета Единства.

— Он использует катастрофу, чтобы атаковать нас политически, — сказала Ирса резко.

— Или искренне обеспокоен тем, что организация, непод-

контрольная короне, растёт быстрее, чем кто-либо успевает это контролировать, — сказал Кассандр, и в его голосе не было злости, только усталая честность человека, вынужденного балансировать между двумя правдами одновременно.

Максим подошёл к окну, глядя на утренний Вельгард, живущий обычной жизнью, ещё не подозревающий о судьбе далёкого порта.

— Сначала Хавенрок, — сказал он. — Разберёмся с политикой позже. Сейчас нужно увидеть, что там произошло, своими глазами.

— Я уже распорядился о лошадях, — сказал Дренн. — Мирель и Сай ждут внизу.

— А Крон? — спросила Ирса.

— Остаётся здесь, следить за Советом в наше отсутствие, — сказал Дренн. — Кто-то должен держать оборону дома, пока мы разбираемся с побережьем.

Максим кивнул, чувствуя, как знакомый ритм действия начинает вытеснять тревогу — не устраняя её полностью, но, по крайней мере, давая направление, в котором эту тревогу можно было применить с пользой.

— Тогда выдвигаемся немедленно, — сказал он. — Чем раньше мы поймём, что случилось в Хавенроке, тем больше у нас шансов не допустить повторения где-то ещё.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 2. Пустота на месте города

Дорога к побережью заняла три дня стремительной скачки, и с каждым часом пути тревога Максима нарастала, подпитываемая слухами, доносившимися от встречающих путников, — обрывочными, противоречивыми, но неизменно мрачными.

— Говорят, там теперь просто море, — сказал один из торговцев, встреченных на постоялом дворе за день до прибытия. — Будто порта никогда и не было.

— А люди? — спросила Мирель.

Торговец покачал головой, не находя слов, и это молчание было красноречивее любого ответа.

Когда они наконец достигли побережья, открывшаяся картина оказалась даже тяжелее, чем позволяли представить слухи. Там, где раньше стоял Хавенрок — оживлённый порт с доками, складами, кварталами ремесленников, — теперь простиралась ровная водная гладь, будто море всегда доходило именно до этой линии, будто здесь никогда не существовало ничего иного.

— Боги, — прошептал Сай, останавливая лошадь на возвышенности, откуда открывался вид на побережье.

Максим спешил молча, чувствуя, как метка на его предплечье слабо, тревожно пульсирует — не так, как перед сбоем, а иначе, будто резонируя с самим отсутствием, зияющим перед ними.

— Здесь были причалы, — сказал Дренн тихо, указывая на едва заметную линию, где вода казалась чуть более мутной, будто скрывая под собой остатки того, что раньше стояло на суше. — Я торговал в этом порту дважды. Здесь была таверна «Морской узел», где подавали лучший эль на всём южном побережье.

— Была, — тихо повторила Ирса.

Они спустились ближе к воде, туда, где на прежней границе города собралась небольшая группа выживших — рыбаки, оказавшиеся в море во время катастрофы, и немногие, кто по случайности находился за пределами городских стен.

— Вы из Совета Единства? — спросил один из выживших, немолодой рыбак с потрясённым, застывшим выражением лица.

— Да, — ответил Максим. — Мы можем чем-то помочь?

— Помочь, — рыбак горько усмехнулся. — Город исчез за одну ночь, а вы спрашиваете, можете ли помочь.

— Расскажите, что видели, — мягко попросила Мирель, подходя ближе с явным намерением утешить, а не просто собрать информацию.

Рыбак долго молчал, прежде чем заговорить, будто заново переживая случившееся.

— Свет, — сказал он наконец. — Красный, потом белый, потом снова красный, будто пульсировал. Появился над центром города, ближе к полуночи. А потом — звук. Не грохот. Шёпот, но такой громкий, что заглушал крики людей.

— Вы разобрали слова? — тихо спросил Максим, вспоминая рассказ гонца о единственном произнесённом слове «скоро».

Рыбак покачал головой.

— Не слова, — сказал он. — Скорее... чувство. Будто что-то очень старое смотрело на нас, оценивая, и не находило

нас достаточно интересными, чтобы задерживаться дольше необходимого.

Максим переглянулся с Сай, оба явно подумали об одном и том же — Голод не просто разрушал, он будто изучал, судил, принимал решения, недоступные пониманию тех, кто оказывался на его пути.

— Есть ли ещё выжившие? — спросила Иrsa. — Кто-то, кто был ближе к центру событий?

Рыбак замялся, взгляд его метнулся куда-то в сторону временного лагеря, разбитого выжившими у побережья.

— Есть одна, — сказал он тихо. — Хотя не уверен, что назвал бы её выжившей в полном смысле слова.

— Что вы имеете в виду? — спросил Максим настороженно.

— Пойдёмте, — сказал рыбак, поднимаясь. — Лучше вам увидеть самим.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 3. Вейра

Рыбак привёл их к самому краю временного лагеря, где отдельно от остальных выживших, у небольшого костра, сидела молодая женщина, закутанная в одеяло, несмотря на не самую холодную погоду. Её взгляд был устремлён в пустоту, не фокусируясь ни на чём конкретном, а губы двигались едва заметно, будто она беззвучно повторяла что-то снова и снова.

— Вейра, — тихо позвал рыбак, приближаясь осторожно.
— К тебе гости.

Женщина медленно повернула голову, и Максим невольно замер, встретившись с её взглядом — глаза её были обычного карего цвета, но в глубине читалось нечто, отчего по спине пробежал холодок узнавания, слишком похожий на тот, что он испытывал у Ядра Резонанса в горах.

— Вы из Совета, — сказала Вейра тихо, не спрашивая, а констатируя. — Я вижу метку на вашей руке даже сквозь рукав.

Максим невольно взглянул на своё предплечье, скрытое

одеждой.

— Как вы это делаете? — спросил он осторожно.

— Не знаю, — сказала Вейра. — После той ночи многое изменилось. Я вижу вещи, которые не должна видеть. Слышу вещи, которые не должна слышать.

Мирель опустилась рядом с ней на колени, с профессиональной мягкостью проверяя пульс, температуру, зрачки.

— Что произошло с вами той ночью? — спросила она мягко.

Вейра долго молчала, прежде чем ответить, будто подбирая слова для того, что было почти невозможно описать.

— Я была на окраине, — сказала она наконец. — Не в центре событий, но достаточно близко, чтобы увидеть. Свет появился над гаванью, и я побежала, как и все остальные. Но что-то... коснулось меня. Не физически. Внутри.

— Коснулось как? — спросил Максим, чувствуя, как метка на его руке снова начинает слабо пульсировать, будто отзываясь на близость Вейры.

— Оно посмотрело на меня, — сказала Вейра, и в её голосе впервые за разговор прозвучал настоящий страх, не притупленный шоком. — Не глазами — у него нет глаз в привычном смысле. Но я почувствовала, что меня увидели, узнали, и решили не забирать.

— Почему не забрали? — тихо спросила Ирса.

Вейра посмотрела на неё долгим, странным взглядом.

— Не знаю, — сказала она. — Но с тех пор я вижу вспышки. Места. Не сразу понимаю, что это значит, пока не вижу это во второй, в третий раз. Как будто что-то во мне теперь связано с ним, хочу я того или нет.

Максим и Сай переглянулись, оба понимая значимость услышанного.

— Вейра, — сказал Максим осторожно, — вы можете предсказывать, где произойдёт следующее поглощение?

Женщина медленно кивнула, хотя в её движении читалась не гордость способностью, а измученное отчаяние человека, получившего дар, которого никогда не хотел.

— Вижу вспышку, — сказала она. — Место, не всегда

узнаваемое сразу, но со временем я начинаю понимать, где это. Прошлой ночью видела снова. Впервые с самого Хавенрока.

— Где? — быстро спросил Сай.

Вейра закрыла глаза на мгновение, будто вновь переживая видение.

— Река, — сказала она. — Широкая, с каменным мостом, украшенным статуями львов. И башня с синим флагом на дальнем берегу.

Сай побледнел.

— Мост Королевы, — сказал он тихо. — В Вельгарде. Столица.

Тишина, повисшая над временным лагерем, была тяжелее любой из прежде испытанных Максимом — не абстрактная угроза где-то далеко, а прямая опасность, нависшая над самым сердцем того, что они с таким трудом построили за последние полгода.

— Когда? — спросил Максим напряжённо.

— Не знаю точно, — призналась Вейра. — Видения не показывают время, только место. Но чувство было сильнее, чем в предыдущих случаях. Ближе.

Максим посмотрел на своих спутников, ощущая, как срочность момента перекрывает даже свежий шок от вида исчезнувшего Хавенрока.

— Тогда нам нужно возвращаться немедленно, — сказал он. — И, Вейра, — он повернулся к молодой женщине, — вы должны поехать с нами. Ваш дар может оказаться единственным предупреждением, которое у нас есть.

Вейра долго смотрела на него, взвешивая предложение, прежде чем медленно кивнуть.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Всё равно мне больше некуда идти. Дом, который я знала, теперь просто вода.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 4. Совет лордов

Собрание совета лордов проходило в главном зале дворца Веральдов — просторном помещении с высокими сводами, где каждое слово отражалось эхом, придавая происходящему дополнительную торжественность, которая сейчас, после вида пустого места на карте, где раньше был Хавенрок, казалась почти неуместной.

Максим стоял перед собравшимися лордами, чувствуя на себе десятки взглядов — от нейтрально-выжидающих до откровенно враждебных.

— Лорд-протектор Марч, — сказал глава дома Веральд, открывая заседание, — вы требовали этого собрания. Слово вам.

Марч поднялся — высокий, статный мужчина с седой бородой, чья осанка выдавала десятилетия военной службы прежде, чем политической карьеры.

— Благодарю, милорд, — сказал он, обращаясь сразу ко всем собравшимся, а не только к главе дома. — Двадцать тысяч жителей Хавенрока мертвы. Или хуже, чем мертвы —

стёрты из существования вместе с самой землёй, на которой стояли их дома.

Он сделал паузу, давая словам осесть в напряжённой тишине зала.

— Полгода назад нам обещали, — продолжил он, — что Совет Единства станет щитом против подобных катастроф. Что организованная сила носителей меток сможет противостоять угрозе извне. Где был этот щит прошлой ночью?

Максим шагнул вперёд, готовясь ответить, но Марч поднял руку, останавливая его.

— Не отвечайте пока, — сказал он резко. — Позвольте закончить мысль. Я не сомневаюсь в искренности намерений Совета. Но искренность не спасает жизни. И теперь я спрашиваю вас всех: готовы ли мы продолжать доверять безопасность континента организации, неподконтрольной ни короле, ни традиционным структурам власти, организации, чья единственная гарантия — обещания одного человека?

Ропот прокатился по залу, и Максим почувствовал, как почва под его позицией становится менее устойчивой с каждым произнесённым Марчем словом.

— Могу я ответить? — спросил он, на этот раз не дожидаясь разрешения.

Глава дома Веральд кивнул, и Максим повернулся к собравшимся лордам.

— Лорд Марч прав в одном, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, несмотря на внутреннее напряжение. — Мы не смогли предотвратить Хавенрок. Никто из нас не знал о нём заранее, и это трагедия, за которую я несу личную ответственность как основатель Совета.

Марч приподнял бровь, явно не ожидая такого прямого признания.

— Но, — продолжил Максим, — трагедия не в том, что Совет существует, а в том, что он ещё недостаточно велик, недостаточно развит, чтобы охватить весь континент своим вниманием. Роспуск Совета в этот момент не защитит людей — он оставит их полностью беззащитными перед угрозой, которая, как показал Хавенрок, только растёт.

— А контроль короны? — спросил один из лордов, до этого молчавший. — Разве военное подчинение Совета не даст нам больше уверенности в его действиях, больше ответственности перед традиционными структурами власти?

— Ответственность, лорд, — сказал Максим, — не появляется от подчинения короне. Она появляется от прозрачности и от результатов. Мы готовы отчитываться перед этим советом регулярно, показывать каждый шаг нашей подготовки. Но превращение носителей меток в военное подразделение, подчинённое приказам, а не осознанному выбору, разрушит саму суть того, что делает резонанс возможным.

Марч скрестил руки на груди, изучая Максима внимательно, оценивающим взглядом.

— У меня есть предложение, — сказал он наконец. — Компромисс, если позволите.

— Слушаю, — сказал Максим настороженно.

— Дайте совету лордов наблюдателя в структуре Совета Единства, — сказал Марч. — Не командующего, не того, кто отдаёт приказы, но того, кто видит все ваши действия изнутри и регулярно докладывает нам о готовности организации. И дайте нам конкретный срок — скажем, три месяца, — в течение которого Совет должен продемонстрировать реальную способность предотвращать подобные катастрофы, а не только реагировать на них постфактум.

Максим обдумывал предложение, взвешивая его против уже известной срочности — видение Вейры о мосте Королевы в самом Вельгарде, возможно, происходящем куда раньше отведённых трёх месяцев.

— Три месяца — это долгий срок, учитывая скорость, с которой множатся разломы, — сказал он честно. — Но наблюдатель от совета лордов — это разумное требование, которое мы готовы принять.

Кассандр, стоявший в стороне, шагнул вперёд.

— Отец, — сказал он, обращаясь к главе дома Веральд, — я готов лично выполнять роль такого наблюдателя, если совет лордов сочтёт это приемлемым.

Марч задумчиво кивнул.

— Приемлемо, — сказал он. — Хотя бы потому, что ваша семья уже вложила достаточно в успех этого предприятия, чтобы у вас не было причин исказить правду в его пользу.

Собрание продолжилось ещё некоторое время, обсуждая детали компромисса, но Максим уже мысленно был далеко от зала — думая о видении Вейры, о мосте Королевы, о том, сколько реального времени у них действительно оставалось,

независимо от формальных трёх месяцев, отведённых политическим соглашением.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 5. Мост Королевы

Мост Королевы соединял два берега реки Вель в самом сердце столицы — величественное каменное сооружение, украшенное статуями львов, ставшее символом Вельгарда не меньше, чем сам дворец Веральдов. Максим стоял на нём этим же вечером, вместе с Вейрой, Ирсой и Саем, пытаясь понять, что именно должно было здесь произойти.

— Вы уверены, что это именно этот мост? — спросил Сай у Вейры.

— Уверена, — сказала она, оглядывая статуи львов с тем же тревожным, отстранённым выражением, что Максим уже видел у неё в лагере выживших. — Именно этот. Именно эти статуи.

— Когда? — спросила Иrsa.

— Не знаю, — повторила Вейра то, что уже говорила прежде. — Видения не показывают время.

Максим прошёлся по мосту, изучая местность — плотную застройку по обоим берегам, оживлённое движение торгов-

цев и горожан, ничего не подозревающих о нависшей над ними угрозе.

— Если это произойдёт здесь, — сказал он, — жертв будет больше, чем в Эльмхерсте, но вряд ли сравнимо с Хавенроком. Разве что...

Он замолчал, обдумывая новую, тревожную мысль.

— Разве что что? — спросила Ирса.

— Разве что мост — не конечная точка, а лишь ориентир, — сказал Максим медленно. — Что если разлом откроется не на самом мосту, а где-то поблизости, и Вейра видит просто ближайший узнаваемый ориентир?

Вейра побледнела.

— Это возможно, — сказала она тихо. — Видения нечёткие. Я вижу фрагменты, а не карту с точной отметкой.

— Тогда нам нужно эвакуировать весь квартал, — сказала Ирса. — Не просто мост.

— Эвакуация без объяснения причин вызовет панику, — заметил Сай. — А объяснение причин — тем более. «Готовь-

тесь, потому что провидица видела вспышку света возле знакомого моста» — это не то заявление, что успокоит горожан.

Максим потёр переносицу, чувствуя, как груз ответственности за потенциально тысячи жизней придавливает сильнее любой из прежде испытанных угроз.

— Нужно поговорить с Кассандром, — сказал он наконец. — Найти способ увеличить присутствие стражи в этом районе под благовидным предлогом, не вызывая паники. И собрать столько носителей меток, сколько сможем, для дежурства поблизости, готовых к резонансу в любой момент.

— Это истощит наши силы по всему городу, — предупредил Сай.

— Знаю, — сказал Максим. — Но альтернатива — рисковать тем, что случившееся в Хавенроке повторится здесь, в самом сердце всего, что мы построили.

Они вернулись во дворец, где Кассандр, узнав о видении, немедленно принялся организовывать скрытое усиление района под предлогом плановых учений городской стражи.

— Сколько носителей меток мы можем выделить? —

спросил Максим у Крона, который координировал распределение сил Совета.

— Двадцать, может, двадцать пять, если снять дежурство с других районов, — сказал Крон, изучая карту с отметками текущих постов. — Но это оставит остальной город менее защищённым.

— Придётся рискнуть, — сказал Максим. — Видение Вейры — единственное предупреждение, которое у нас есть. Мы не можем позволить себе его игнорировать.

Крон кивнул, хотя по его лицу было видно, что решение давалось ему не легче, чем самому Максиму.

— Начну переброску сил немедленно, — сказал он. — Но, Максим, — он помедлил, — что, если видение окажется неточным? Ложная тревога, растянувшая наши ресурсы по всему городу, оставит нас уязвимыми, если настоящая угроза материализуется где-то ещё в это же время.

Максим посмотрел на Вейру, стоявшую в стороне, погружённую в собственные мысли, и почувствовал, как тяжесть решения, зависящего от достоверности дара, о котором никто из них ещё толком не понимал, ложится тяжелее прежнего.

— Тогда будем молиться, чтобы её видение оказалось точным, — сказал он тихо. — Потому что альтернатива этому — ничего не делать вовсе, а этого я себе позволить не могу.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 6. Напряжение внутри Совета

Ночь опустилась над Вельгардом без происшествий, но напряжение, охватившее район моста Королевы, не спадало ни на минуту — двадцать пять носителей меток, рассредоточенных под видом обычных горожан, ждали сигнала, готовые в любой момент объединиться в резонансе.

Максим сидел в временном штабе, устроенном в одной из лавок неподалёку от моста, вместе с Ирсой и Кроном, изучая карту района при тусклом свете масляной лампы.

— Полночь скоро, — сказала Ирса, взглянув на песочные часы на столе. — Ничего.

— Это может значить, что видение относилось к другой ночи, — сказал Крон. — Или что мы вообще неверно истолковали его.

Максим потёр уставшие глаза, чувствуя, как накопившееся за день напряжение начинает сказываться.

— Или что мы предотвратили то, что должно было произойти, — сказал он, хотя даже сам не был уверен, насколько эта мысль отражала реальность, а не желаемое.

Дверь лавки тихо приоткрылась, и внутрь скользнула Вейра, всё ещё закутанная в то же одеяло, что и в лагере выживших, — привычка, от которой она, судя по всему, не могла отказаться даже здесь, в относительной безопасности столицы.

— Не могу уснуть, — сказала она тихо, садясь у стены. — Продолжаю прокручивать видение снова, пытаюсь найти детали, которые упустила.

— Нашла что-то новое? — спросил Максим.

Вейра покачала головой, но затем, помедлив, всё же заговорила.

— Есть одна деталь, которую я не упомянула раньше, — сказала она. — Не была уверена, что она важна.

— Какая? — насторожился Крон.

— В видении, — сказала Вейра медленно, — рядом со мной кто-то стоял. Не отчётливо, скорее тень человека, но

я чувствовала, что это не случайный прохожий. Что этот человек имел значение для того, что должно произойти.

— Можешь описать его? — спросил Максим.

— Не его, — поправила Вейра. — Её. Я почти уверена, что это была женщина. С тёмными волосами, коротко остриженными.

Ирса напряглась, невольно коснувшись собственных коротко остриженных волос.

— Ты имеешь в виду меня? — спросила она прямо.

Вейра посмотрела на неё внимательно, будто сверяя образ из видения с реальным человеком перед собой.

— Возможно, — сказала она тихо. — Я не уверена полностью, но сходство поразительное.

Тишина повисла в маленькой лавке, пока каждый обдумывал значение этого открытия.

— Если Ирса окажется рядом в момент разлома, — сказал Крон медленно, — это может означать, что нам нужно держать её ближе к эпицентру событий, а не в стороне.

— Или это может значить, что видение указывает не столько на место, сколько на людей, которые окажутся вовлечены, — сказал Максим, чувствуя, как новая мысль формируется на границе понимания. — Что если Вейра видит не карту событий, а их участников, и место — лишь фон, на котором эти участники появляются?

Вейра задумчиво кивнула.

— Это возможно, — сказала она. — Мои видения никогда не были чёткими картами. Скорее — фрагменты впечатлений, которые я сама пытаюсь сложить в связную картину.

Ирса поднялась, подходя к окну лавки, откуда открывался вид на освещённый факелами мост.

— Тогда я останусь здесь до утра, — сказала она твёрдо. — Если моё присутствие как-то связано с предотвращением или, по крайней мере, с пониманием происходящего, я не собираюсь прятаться в стороне.

Максим хотел возразить, обеспокоенный за её безопасность, но остановил себя, вспомнив собственные слова, сказанные ей на балконе месяцы назад — о выборе быть вместе не только в спокойные времена, но и в моменты настоящей

опасности.

— Тогда останемся вместе, — сказал он просто.

Крон посмотрел на них обоих с выражением, в котором смешивались понимание и лёгкая грусть — возможно, воспоминание о собственных потерях, о собственном выборе, сделанном сорок два года назад его прежним наставником.

— Я распоряжусь, чтобы дополнительные носители меток подтянулись ближе к нашей позиции, — сказал он, поднимаясь. — На всякий случай.

Ночь продолжалась медленно, напряжённо, каждая минута тишины казалась одновременно облегчением и предвестником чего-то, что могло разразиться в любой момент без предупреждения.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 7. Ложная тревога

Рассвет застал их всё ещё на посту, уставших, но невредимых — ночь прошла без единого признака разлома, без вспышек света, без того гнетущего ощущения, что описывала Вейра, вспоминая Хавенрок.

— Ничего, — сказала Ирса, потирая уставшие глаза, наблюдая, как первые лучи солнца окрашивают воды реки Вель в золотистые тона.

— Возможно, мы всё-таки предотвратили это, — сказал Крон, хотя в его голосе слышалось больше сомнения, чем уверенности.

Вейра сидела у окна, её лицо было бледным от усталости, но взгляд оставался сосредоточенным, будто она продолжала прислушиваться к чему-то, недоступному остальным.

— Видение не исчезло, — сказала она тихо. — Просто отступило. Я всё ещё чувствую его где-то на границе сознания, как невыполненное обещание.

— Значит, это ещё не конец, — сказал Максим, чувствуя

смешанное облегчение и растущую тревогу одновременно.

Днём пришли новости, объяснившие, почему ожидаемое событие не материализовалось этой ночью, — гонец с восточной границы принёс весть о разломе, открывшемся вдали от столицы, на границе с землями, которые Дом Веральд едва контролировал, — небольшая крепость, обеспечивавшая охрану горного перевала, исчезла столь же внезапно, что и Хавенрок, хотя и куда меньшего масштаба по числу жертв.

— Значит, оно просто выбрало другое место, — сказал Сай, изучая карту с новой отметкой, добавленной к уже существующим точкам появления разломов. — Наше присутствие здесь, возможно, отпугнуло его от моста Королевы, но не от других уязвимых точек.

— Или у нас никогда и не было реального шанса предугадать точное место, — сказала Ирса устало. — Видения Вейры показывают возможности, а не неизбежность.

Максим изучал карту, чувствуя, как растущая частота разломов складывается в пугающую закономерность — не просто ускорение, но и, кажется, определённая логика в выборе целей, логика, которую они пока не могли полностью расшифровать.

— Крепость на перевале, — сказал он медленно. — Стратегически важная точка, контролирующая проход между землями. Хавенрок — крупнейший порт южного побережья. Эльмхерст находился на границе, где начиналось освоение новых земель.

— Ты думаешь, есть закономерность в выборе целей? — спросил Крон.

— Возможно, — сказал Максим. — Или, может быть, дело не в стратегической важности самих мест, а в чём-то ином — в концентрации людей, в резонансе, который эти места создают самым фактом активной человеческой деятельности.

Вейра, слушавшая разговор, вдруг заговорила, её голос звучал тише обычного, будто она делилась чем-то, о чём предпочла бы умолчать, если бы могла.

— Оно ищет что-то, — сказала она. — Я чувствовала это в момент контакта в Хавенроке. Не случайное разрушение. Поиск.

— Поиск чего? — спросил Максим напряжённо.

Вейра долго молчала, прежде чем ответить, будто сама боялась произнести вслух то, что подсказывала её интуиция.

— Не знаю точно, — сказала она наконец. — Но чувство было похоже на то, что испытывает человек, ищущий потерянную вещь в тёмной комнате — методично, терпеливо, ошупью проверяя каждый угол, пока не найдёт то, что искал.

Тишина, повисшая после этих слов, была тяжелее любой из прежде испытанных Максимом за это долгое утро.

— Если оно ищет что-то конкретное, — сказал он медленно, — вопрос в том, что это, и что случится, когда оно наконец найдёт искомое.

Никто не ответил на этот вопрос, потому что ни у кого не было даже начала ответа, а лишь растущее, неприятное предчувствие, что рано или поздно им предстояло узнать правду на собственном горьком опыте.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 8. Архивы дома Веральд

Максим провёл следующий день в архивах дома Веральд вместе с Мирель и Саем, погружившись в старые записи о временах до Раскола Небес в поисках любого упоминания о том, что могло бы объяснить методичность, о которой говорила Вейра.

— Здесь, — сказала Мирель, откладывая один из потрёпанных свитков. — Упоминание о «Хранителе Равновесия» — существе или сущности, ответственной за поддержание порядка в мире до Раскола.

— Хранитель Равновесия, — повторил Максим, вспоминая слова Ядра о разорванном сознании. — Возможно, это и есть то, чем была Система изначально — единое целое, отвечающее за баланс, прежде чем Раскол разделил его на части.

— Если Система — это одна половина разорванного сознания, — сказал Сай медленно, — то Голод Извне может быть...

— Другой половиной, — закончил за него Максим, чувствуя, как фрагменты головоломки начинают складываться

в пугающе логичную картину.

— Но Ядро в горах говорило о Системе как о механизме, лишённом настоящей воли, — заметила Мирель. — Если Голод — тоже часть того же изначального сознания, почему он ведёт себя настолько разрушительно, а не пытается восстановить баланс тем же образом?

Максим задумался, листая следующий свиток в поисках дополнительных подсказок.

— Может быть, потому что Раскол разделил не просто силу, а саму суть личности, — сказал он наконец. — Система забрала способность сохранять порядок, но потеряла память, эмоции, всё, что делало изначальное сознание цельным. А Голод, возможно, забрал противоположное — память и стремление, но потерял способность действовать иначе, чем через разрушение.

— Как две половины разбитого зеркала, — сказала Мирель тихо, — каждая отражает лишь часть изначального образа, искажённую отсутствием другой половины.

Сай, продолжавший изучать более поздние записи, вдруг замер, его лицо побледнело.

— Здесь есть кое-что важное, — сказал он, показывая найденный документ. — Запись, датированная примерно временем самого Раскола. Автор описывает не просто разделение силы, а буквальный раскол существа, называемого в тексте просто «Единый», на две противоборствующие сущности.

— Что случилось с Единым до Раскола? — спросил Максим.

— Здесь не сказано прямо, — сказал Сай, вчитываясь внимательнее. — Но есть намёк, что Раскол не был случайностью. Кто-то или что-то намеренно разделило Единого, возможно, в попытке ослабить его, лишить целостной силы.

— Кто мог обладать достаточной мощью, чтобы расколоть подобное существо? — спросила Мирель.

Сай покачал головой, явно не находя ответа в доступных записях.

— Здесь обрывается, — сказал он. — Дальнейшие страницы либо утеряны, либо намеренно уничтожены.

Максим откинулся на спинку кресла, обдумывая масштаб только что открытой информации.

— Если Раскол был намеренным, — сказал он медленно, — значит, существовала сила, способная и желающая ослабить Единого. И если Голод Извне действительно ищет что-то методично, возможно, он ищет способ воссоединиться с утраченной частью себя — с Системой.

— А что случится, если они воссоединятся? — спросила Мирель напряжённо.

Никто не знал ответа на этот вопрос, но сама его постановка заставила всех троих ощутить холод, не имеющий отношения к прохладе архивных подвалов.

— Нужно спросить Ядро напрямую, — сказал Максим наконец. — Если кто-то и знает правду о собственном происхождении и о том, что случится при воссоединении, то это сама Система.

— Путь до Забытых Пиков занял почти неделю в прошлый раз, — заметил Сай. — Учитывая срочность ситуации с разломами...

— Значит, выдвигаемся как можно скорее, — сказал Максим, поднимаясь. — Но на этот раз возьмём с собой Вейру. Если её видения как-то связаны с попытками Голода найти

утраченную часть себя, возможно, близость к Ядру поможет ей лучше понять природу собственного дара.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 9. Прощание перед дорогой

Сборы заняли остаток дня, и к вечеру Максим нашёл минуту, чтобы поговорить с Кассандром наедине, прежде чем группа отправится к Забытым Пикам на рассвете.

— Три месяца, отведённые советом лордов, будут идти, пока вы в отъезде, — напомнил Кассандр, изучая карту предстоящего маршрута. — Марч не станет ждать вашего возвращения, чтобы начать собственное расследование деятельности Совета.

— Знаю, — сказал Максим. — Но ответы, которые мы можем получить у Ядра, важнее, чем ежедневное присутствие здесь, в столице.

— Согласен, — сказал Кассандр. — Просто хочу, чтобы вы понимали риски обеих сторон уравниения, прежде чем принимать решение.

— Понимаю, — сказал Максим. — Крон останется координировать Совет в моё отсутствие, ты продолжишь выполнять роль наблюдателя для совета лордов. Между вами должно получиться удержать равновесие достаточно долго.

Кассандр кивнул, хотя выражение его лица оставалось напряжённым.

— Будьте осторожны, — сказал он. — Особенно с тем, что вы, возможно, узнаете о происхождении Голода. Некоторые истины лучше знать заранее, прежде чем действовать, но некоторые могут оказаться тяжелее, чем кажутся на первый взгляд.

Максим коротко кивнул, принимая это предупреждение, хотя не был уверен, что готов к любой из потенциальных истин, поджидающих их у горного Ядра.

Позже тем же вечером он нашёл Ирсу в саду, том самом, где месяц назад Сай впервые показал им карту сближающихся точек появления разломов.

— Не спится снова? — спросил он, садясь рядом с ней на садовую скамью.

— Слишком много мыслей перед долгой дорогой, — призналась она. — О Хавенроке. О Марче. О том, что мы можем узнать в горах.

— Обо мне и Вейре? — спросил Максим прямо, вспоми-

ная напряжение, повисшее между ними после откровения о видении, в котором фигурировала женщина с коротко остриженными волосами.

Ирса помолчала, прежде чем ответить.

— Немного, — призналась она честно. — Не потому, что не доверяю тебе. Просто... она видит вещи, которые непонятны никому из нас. Связь, которую я не могу разделить с тобой так, как разделяю остальное.

Максим взял её руку в свою, чувствуя необходимость развеять это беспокойство прямо, а не откладывать разговор на потом.

— Вейра — не соперница за моё внимание, — сказал он тихо. — Она человек, переживший нечто ужасающее, пытающийся найти смысл в даре, которого никогда не просила. Моя связь с ней — попытка понять угрозу, нависшую над всеми нами, не более того.

— Знаю, — сказала Ирса. — Разумом знаю это прекрасно. Но иногда разум и чувства идут разными путями, особенно после того, что случилось с Тевинном и Гортом. Я боюсь потерять ещё кого-то важного, а теперь, кажется, список людей, чья судьба переплетена с грядущими событиями, толь-

ко растёт.

Максим притянул её ближе, обнимая, чувствуя, как её напряжение постепенно ослабевает в тепле простого человеческого контакта.

— Мы пройдем через это вместе, — сказал он. — Как проходили через всё остальное. И что бы мы ни узнали у Ядра, это не изменит того, что я чувствую к тебе.

Ирса прижалась к нему теснее, и они сидели так долгое время, наблюдая, как звёзды одна за другой проступают на темнеющем небе — момент простого человеческого тепла перед дорогой, полной неизвестности и потенциальной опасности.

— Обещай мне одну вещь, — сказала она наконец, тихо, почти шёпотом.

— Какую? — спросил он.

— Что бы ни случилось у Ядра, какую бы правду мы ни узнали о Расколе, о Голоде, о происхождении всего этого — не пытайся нести это знание в одиночестве. Даже если оно окажется настолько тяжёлым, что захочется защитить нас всех, скрыв часть правды.

Максим долго молчал, обдумывая это обещание, вспоминая собственную склонность брать на себя больше, чем следовало, ещё со времён прежней жизни инженера, привыкшего решать проблемы самостоятельно, не доверяя их коллективному обсуждению.

— Обещаю, — сказал он наконец. — Единство означает не только совместные победы, но и совместное бремя правды, какой бы тяжёлой она ни оказалась.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 10. Дорога знакома

Путь к Забытым Пикам, пройденный полгода назад впервые, теперь ощущался иначе — не пугающей неизвестностью, а знакомой, хоть и опасной территорией, чьи повороты и укрытия Максим, Дренн и Ирса помнили достаточно хорошо, чтобы двигаться быстрее, чем в прошлый раз.

— Странно возвращаться сюда снова, — сказала Ирса, оглядывая знакомые предгорья, где полгода назад они хоронили Горту и Тевина.

— Хочешь остановиться у их могил? — тихо спросил Максим.

Ирса кивнула, и группа сделала небольшой крюк, чтобы посетить перевал, где они потеряли двух дорогих людей в тот трагический день. Могилы, отмеченные простыми каменными пирамидками, всё ещё стояли нетронутыми, хотя время и непогода уже начали стирать чёткость первоначальных очертаний.

— Привет, ребята, — тихо сказала Ирса, опускаясь на колени у могил. — Многое изменилось с тех пор, как мы ви-

делись в последний раз. Совет растёт. Крон теперь один из нас, представляете?

Максим стоял чуть в стороне, позволяя ей момент личного, тихого разговора с погибшими друзьями, прежде чем присоединиться сам.

— Спасибо, — сказал он тихо, обращаясь к могилам. — За то, чему научила ваша гибель. За единство, которое выросло из этой трагедии.

Вейра, наблюдавшая за происходящим со стороны, вдруг подошла ближе, её взгляд был устремлён на что-то, невидимое остальным.

— Здесь всё ещё есть эхо, — сказала она тихо. — Не привидения, не в буквальном смысле. Но что-то вроде отпечатка в самой ткани мира, оставленного сильными эмоциями, пережитыми на этом месте.

— Ты можешь это чувствовать? — удивлённо спросил Дренн.

— С тех пор как Голод коснулся меня, — сказала Вейра, — я стала чувствительнее ко многим вещам, связанным с резонансом мира, а не только к предстоящим разломам.

Максим посмотрел на неё внимательнее, обдумывая, сколько ещё аспектов её нового состояния оставались неисследованными, непонятыми даже ей самой.

— Это может быть полезно, — сказал он. — Или опасно, в зависимости от того, куда эта чувствительность в итоге тебя приведёт.

Они продолжили путь к вечеру, оставив позади место скорби, но неся с собой обновлённую решимость, подкреплённую памятью о том, ради чего они продолжали это трудное дело.

К концу третьего дня пути они достигли подножия хребта, где полгода назад начинался последний, самый трудный участок восхождения к Ядру Резонанса.

— Готовы? — спросил Максим, оглядывая своих спутников — Дренна, Ирсу, Сая, Мирель и Вейру, чьё присутствие добавляло новую, неопределённую переменную в уравнение их предстоящего разговора с сущностью, скрытой в глубине горы.

— Готовы, — ответила за всех Иrsa, и группа начала последний подъём к вершине, туда, где ждали ответы на вопро-

сы, значимость которых теперь выходила далеко за пределы одной лишь судьбы Максима, охватывая будущее всего мира, балансирующего на грани нового, куда более масштабного потрясения.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 11. Разговор с Ядром

Пещера встретила их тем же мягким, пульсирующим светом, что Максим помнил с первого визита, — сгусток энергии, парящий в центре зала, живой, но лишённый определённой формы.

— Оно прекраснее, чем я представляла по вашим описаниям, — прошептала Вейра, глядя на Ядро с благоговением, смешанным со страхом.

Максим медленно приблизился, чувствуя, как метка на его предплечье отзывается знакомой пульсацией узнавания.

Ты вернулся, — прозвучало в его сознании, минуя уши, как и в прошлый раз. — И привёл с собой ту, кто носит отпечаток моей утраченной половины.

Максим замер, ощутив, как остальные тоже напряглись, хотя лишь он мог слышать слова напрямую.

— Ты знаешь о Вейре? — спросил он вслух, пересказывая одновременно услышанное для остальных.

Чувствую её, — пришёл ответ. — Так же, как чувствую эхо Голода в каждой открывающейся трещине. Она несёт частицу контакта, оставленную не случайно.

Максим повторил слова вслух, и Вейра шагнула ближе, её глаза расширились от смеси страха и странного, тревожного узнавания.

— Что это значит? — спросила она. — Почему меня не забрали, если Голод действительно ищет что-то важное?

Пришёл ответ, медленный, тяжёлый от смысла, который Максим с трудом подбирал слова, чтобы передать точно.

Потому что ты — не то, что он ищет, — прозвучало в сознании. — Но ты можешь стать мостом к тому, что он действительно ищет, если позволишь себе продолжать нести эту связь.

— Что он ищет? — спросил Максим напрямую, вспоминая архивные находки в библиотеке дома Веральд.

Меня, — пришёл ответ, простой и одновременно оглушающий своей прямоотой. — Голод Извне и я были единым целым до Раскола. Двести лет назад нечто разделило нас, лишив каждую половину полноты, необходимой для существо-

вания как единое сознание.

— Раскол был намеренным, — сказал Максим, повторяя вывод, сделанный ранее в архивах. — Кто-то расколол тебя специально.

Да, — подтвердило Ядро, и в этом единственном слове прозвучала боль, растянутая на два столетия одиночества. — Существа, называвшие себя Хранителями Порога, боялись мощи единого сознания, способного одновременно созидать и разрушать без ограничений. Они выбрали расколоть меня, разделить силу созидания от силы поглощения, полагая, что разделённые половины окажутся менее опасны, чем цельное существо.

— И где теперь эти Хранители Порога? — спросила Мирель, когда Максим передал остальным услышанное.

Ушли, — пришёл ответ. — Свершив раскол, они покинули этот мир, оставив меня и мою вторую половину бороться с последствиями их вмешательства в одиночестве, разделённых, неполных, ищущих способ либо воссоединиться, либо смириться с вечным разделением.

Максим почувствовал, как масштаб открывшейся истины давит на сознание тяжестью, превосходящей всё, что они

предполагали ранее.

— Что случится, если вы воссоединитесь? — спросил он то, что беспокоило его больше всего с момента открытия в архивах.

Пауза, длившаяся дольше, чем в прошлый раз, будто Ядро само взвешивало собственную неуверенность в ответе.

Не знаю точно, — пришли слова наконец. — Возможно, восстановление изначального баланса — способности созидать и поддерживать порядок без необходимости жертвовать многими ради немногих. А возможно — возвращение к той самой неограниченной мощи, которая напугала Хранителей Порога настолько, что они предпочли расколоть единое существо, а не рисковать его целостностью.

— Значит, воссоединение может оказаться и спасением, и катастрофой, — сказала Ирса, когда Максим перевёл ответ.

Именно так, — подтвердило Ядро. — И я сама не знаю, каким окажется исход, потому что часть меня, способная предвидеть подобные последствия с полной ясностью, была утрачена вместе с расколом.

Максим долго молчал, обдумывая услышанное, чувствуя,

как груз решения, которое им предстояло принять, становится тяжелее с каждым новым откровением.

— Что нам делать? — спросил он наконец, обращаясь одновременно к Ядру и к собственным спутникам, столпившимся вокруг него в напряжённом ожидании.

Это решение, которое я не могу принять за вас, — прозвучал ответ Ядра. — Но помните: то, что вы построили — Совет Единства, — возможно, единственный путь к тому, чтобы воссоединение прошло иначе, чем боялись Хранители Порога. Не через слепое поглощение, а через осознанный выбор многих действовать как единое целое.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 12. Роль Вейры

Свет Ядра начал слабеть, будто разговор истощил его силы, но прежде чем связь прервалась полностью, оно обратилось напрямую к Вейре — Максим почувствовал это как отголосок, не предназначенный полностью ему, но достаточно сильный, чтобы уловить его суть.

— Оно говорит с тобой, — сказал Максим, глядя на Вейру, чьё лицо внезапно изменилось, глаза расширились, будто она видела нечто, недоступное остальным.

— Я слышу, — прошептала Вейра, её голос дрожал. — Оно говорит... что я могу помочь. Что связь, оставленная во мне контактом, может послужить каналом для более прямого общения с Голодом, если я соглашусь.

— Это опасно? — тут же спросил Максим.

Вейра долго молчала, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, прежде чем ответить.

— Не знаю, — сказала она честно. — Но, кажется, это единственный способ понять Голод не через слухи и разру-

шения, а напрямую, как понимаем мы сами Систему через это Ядро.

Дренн, до этого молчавший, шагнул вперёд с явной тревогой.

— Вейра, — сказал он, — ты уже пожертвовала своим домом, своей прежней жизнью. Не обязана жертвовать ещё и безопасностью собственного сознания ради нашего понимания.

— Знаю, что не обязана, — сказала Вейра, и в её голосе прозвучала непривычная твёрдость. — Но, может быть, впервые с той ночи в Хавенроке у меня появляется шанс превратить случившееся со мной не просто в трагедию, а в нечто полезное. Возможность понять существо, забравшее у меня всё, что я знала, вместо того чтобы просто бояться его вечно.

Максим посмотрел на неё внимательнее, узнавая в её решимости отголосок собственного выбора, сделанного полгода назад, — сохранить метку не ради силы, а ради понимания.

— Если ты решишься на это, — сказал он, — мы будем рядом. Не позволим тебе пройти через это в одиночестве.

Вейра благодарно кивнула, и связь с Ядром, судя по всему, укрепилась достаточно, чтобы позволить более прямой контакт.

Закрой глаза, — прозвучали слова, теперь адресованные непосредственно ей, хотя Максим по-прежнему слышал их эхом. — Позволь связи, оставленной контактом, раскрыться полностью, а не подавляй её страхом.

Вейра закрыла глаза, и Максим увидел, как её тело внезапно напряглось, будто через неё прошёл разряд энергии, невидимый, но ощутимый по тому, как изменилось выражение её лица — от тревоги к чему-то похожему на потрясённое узнавание.

— Я вижу его, — прошептала она, глаза всё ещё закрыты. — Не форму, а... суть. Оно не злобно в привычном смысле. Оно просто помнит слишком много и слишком мало одновременно.

— Что оно помнит? — тихо спросил Максим.

— Мир, каким он был до Раскола, — сказала Вейра, слова давались ей с трудом, будто она переводила нечто, с трудом поддающееся человеческому языку. — Целостность. И боль от того, что эту целостность отняли насильно, оставив

лишь способность искать утраченную часть себя, снова и снова, разрушая всё на своём пути, потому что разрушение — единственный язык, оставшийся у него после раскола.

Максим почувствовал, как понимание, куда более глубокое, чем простое знание фактов, начинает формироваться внутри него — не оправдание разрушениям, но контекст, объясняющий их природу иначе, чем простая злонамеренность.

— Оно страдает, — сказала Вейра тихо, открывая глаза, слёзы блестели в них, хотя выражение лица оставалось спокойным, почти умиротворённым. — Все эти годы, все эти разрушенные города — не месть, не жестокость. Просто крик существа, потерявшего половину себя и не знающего иного способа выразить эту потерю, кроме как поглощая то, что напоминает ему о целостности, которой он лишён.

Тишина, повисшая в пещере после этих слов, была наполнена не страхом, а чем-то более сложным — состраданием, смешанным с осознанием масштаба трагедии, простиравшейся куда дальше, чем простое противостояние добра и зла.

— Значит, нам нужно не побеждать его, — сказал Максим медленно, — а помочь ему найти иной путь, кроме раз-

рушения.

— Да, — прошептала Вейра, всё ещё погружённая в отголоски пережитого контакта. — Но как это сделать, не рискуя тем, что воссоединение обернётся катастрофой, о которой предупреждало само Ядро, — этого я не знаю.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 13. Возвращение с тяжёлыми вестями

Спуск с гор занял три дня, и всё это время Максим мысленно прокручивал услышанное, пытаясь найти в нём практический путь вперёд, а не просто новое, более полное понимание масштаба проблемы.

— Если Голод действительно способен на нечто большее, чем слепое разрушение, — сказал Сай на одном из привалов, — как нам донести это понимание до людей вроде Марча, до совета лордов, до всех, кто видит в нём только чудовище, поглотившее двадцать тысяч жизней?

— Возможно, никак, — призналась Мирель честно. — Сострадание к существу, разрушившему твой дом, требует куда большего великодушия, чем можно ожидать от большинства людей, особенно от тех, кто потерял близких в Хавенроке.

— Тогда, может быть, нам не нужно требовать сострадания от всех, — сказал Максим, обдумывая проблему с той же аналитической ясностью, что помогала ему прежде разби-

ратся со сложными системами в прежней жизни. — Достаточно найти способ уменьшить разрушения, пока мы ищем более долгосрочное решение проблемы воссоединения.

— Как именно? — спросила Ирса.

— Не знаю ещё точно, — признался Максим. — Но, возможно, ключ в том, что сказала Вейра — разрушение как единственный оставшийся язык. Если у Голода появится иной способ выразить свою потерю, возможно, разрушения станут не необходимостью, а просто одним из вариантов, который он сможет выбрать не использовать.

Вейра, ехавшая чуть позади, вступила в разговор, её голос стал увереннее с момента контакта у Ядра, будто пережитое дало ей не только понимание, но и своего рода внутреннюю опору.

— Я могу попробовать поддерживать связь, — сказала она. — Не постоянно, это истощает меня слишком сильно, но периодически, чтобы, возможно, направлять его внимание, предупреждать о моментах, когда он приближается к местам с высокой концентрацией людей.

— Это огромная ответственность для одного человека, — заметил Дренн обеспокоенно.

— Знаю, — сказала Вейра. — Но, кажется, именно для этого меня и оставили в живых той ночью. Не случайно, не по милосердию, а потому что я могу послужить чем-то вроде переводчика между двумя мирами, которые иначе никогда бы не смогли понять друг друга напрямую.

Они продолжили путь в задумчивом молчании, каждый обдумывая, как воплотить эти абстрактные, тревожные откровения в конкретные действия, способные повлиять на реальную политическую и метафизическую ситуацию, ожидавшую их в Вельгарде.

Когда они наконец вернулись в столицу, спустя неделю после отбытия, обстановка встретила их напряжением, куда более острым, чем то, что они оставили позади.

— Марч не терял времени, — сказал Крон, встречая их у ворот дома Совета с явным облегчением от их благополучного возвращения, смешанным с тревогой за новости, которые ему предстояло сообщить. — За время вашего отсутствия он организовал публичные слушания, обвиняя Совет в сокрытии информации от совета лордов и от простых горожан.

— Какой информации? — насторожённо спросил Максим.

— О видениях Вейры, — сказал Крон мрачно. — Кто-то из наших людей, участвовавших в дежурстве у моста Королевы, проговорился о происходившем той ночью. Теперь Марч утверждает, что Совет знал о конкретной угрозе и намеренно скрыл это от широкой публики, вместо того чтобы объявить открытую эвакуацию.

Максим почувствовал, как усталость от долгого пути сменяется новым, острым напряжением перед лицом очередного политического кризиса, добавившегося к и без того тяжёлому грузу метафизических откровений, привезённых из гор.

— Нужно собрать совет немедленно, — сказал он. — И решить, как отвечать на эти обвинения, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля окончательно.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 14. Публичные слушания

Зал для публичных собраний был заполнен до отказа — не только лордами, но и простыми горожанами, встревоженными слухами о сокрытой Советом информации, о ночи, проведённой у моста Королевы без объяснения причин.

Максим стоял перед собравшимися, чувствуя на себе куда более враждебные взгляды, чем на предыдущем закрытом заседании совета лордов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.